

М.А. Дзюбенко

Рахметов

РАХМЕТОВ — центральный персонаж романа Н.Г. Чернышевского «Что делать? Из рассказов о новых людях» (1863).

Рахметов отличается от других героев романа так же, как сам роман Чернышевского — от традиционных психологических романов. В журнале «Эпоха», издававшемся М.М. и Ф.М. Достоевскими, о Рахметове писали как о «каком-то кабинетном мифе, путешествующем так же легко по факультетам, как и по Европе» (Н. Соловьев). В художественной иерархии романа он занимает высшую ступень, являясь единственным представителем «особенных» людей — пропорционально тому, как в жизни автор, по его словам, «встретил до сих пор только восемь образцов этой породы». Некоторая черта «уже соединяла их в одну породу и отделяла от всех остальных людей», попросту говоря — участие в подпольной революционной работе. Не зная «эзопова языка» Чернышевского, невозможно понять, зачем Рахметов вел «самый суровый образ жизни», «занимался чужими делами или ничьими в особенности делами», в «сборных пунктах» приятелей «знакомился только с людьми, имеющими влияние на других», «мало бывал дома, все ходил и разъезжал».

От «новых людей» «особенный человек» отличается многим. По происхождению он не разночинец, а дворянин, «из фамилии, известной с XIII века»; не обстоятельства, а только сила убеждений заставляет его идти против своей Среды. Он переделывает как умственную, так и физическую свою природу, поддерживает «в себе непомерную силу», потому что «это дает уважение и любовь простых людей». Он начисто отказывается от личных благ и интимной жизни, чтобы борьба за полное наслаждение жизнью была борьбой «только по принципу, а не по пристрастию, по убеждению, а не по личной надобности». Отсюда и прозвище Рахметова — «ригорист» (от лат. «rigore» — жестокость, твердость), под которым он впервые появляется в VI разделе третьей главы книги. Ригоризм жизненный вытекает из ригоризма мыслительного: «Все великие теоретики были людьми крайних мнений», — писал Чернышевский в статье «Граф Кавур». Рахметов служит живым воплощением теории «расчета взаимных выгод», реализуя потенциальности, заложенные в «новых людях». Важно и то, что ближайшим литературным предшественником Рахметова является Базаров из романа Тургенева «Отцы и дети». Сохраняя некоторую стилистическую преемственность, Чернышевский в то же время показал, что Рахметов отличается от Базарова наличием позитивной точки приложения своих сил и имеет возможность действовать среди единомышленников.

Образ Рахметова построен на парадоксальном сочетании несочетаемого. Предельная хронологическая конкретность его биографии, служащей точкой отсчета и для многих других событий книги, соседствует со значительными событийными лакунами; второстепенное действующее лицо, он оказывается «поважнее всех ... взятых вместе»; крайний материалист во взглядах, он живет и борется только за идею. Однако эта противоречивость оборачивается стилистическим разнообразием, характерным для жанра мениппеи, к которому близок роман.

При всей видимой посторонности образа Рахметова основному сюжету книги он занимает в нем осевое положение, выполняя функции посредника: между «открытой» (семейной) и «скрытой» (политико-революционной) частями сюжета, то есть между видимым и невидимым обыкновенному читателю мирами: между тем светом и этим (когда передает Вере Павловне записки от «уехавшего в Америку» Лопухова); между прошлым, настоящим и будущим (когда из «обыкновенного доброго и честного юноши»-дворянина, человека прошлого, становится «особенным человеком» будущего и знает наступление этого будущего с точностью до года); между разными частями этого мира (когда путешествует по России и за границей). Высшим проявлением мессианских

свойств Рахметова является ожидание его приезда накануне «перемены декораций». Явный мифологический подтекст этого образа связан со структурой романа, организованной по принципу «мирового древа»: Рахметов и другие немногочисленные «особенные люди» спускаются с его верхнего, небесного яруса на грешную землю для ее очищения. Житийно-легендарные черты биографии Рахметова, отсылающие к «Житию Алексея, человека Божия», к былинам о богатырях и к новейшим легендам о бурлаке Никитушке Ломове, к романтическим образам сверхлюдей, в сочетании с бытовой детализацией, призваны подчеркнуть его универсальность и абсолютную реальность.

Среди прототипов Рахметова чаще всего называют П. Бахметева (со слов самого Чернышевского), который учился у Чернышевского в Саратовской гимназии и после неоконченной учебы в земледельческом институте уехал в Европу, а затем в Океанию, чтобы создать там новый социальный строй. Образ Рахметова, как и полагается всякому житийному образу, породил множество подражаний. Он стал эталоном профессионального революционера, на что указывал Д. Писарев в статье «Мыслящий пролетариат» (1865), назвав Рахметова «историческим деятелем»: «В общем движении событий бывают такие минуты, когда люди, подобные Рахметову, необходимы и незаменимы...»